

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ**

УДК 93/94(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-12-37

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ****А.Х. БОРОВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Аннотация. В статье обсуждается несколько вопросов, имеющих отношение к проблемам построения обобщающих трудов по истории Северного Кавказа. Первое. Возможно и необходимо решать концептуальные проблемы исторического кавказоведения исходя из конкретной познавательной задачи и вида работы, а не только из содержательных характеристик различных теоретико-методологических подходов и специфики предмета изучения. Второе. Центральной методологической проблемой обобщающих историй (региона в целом либо отдельных народов и республик) является проблема исторического синтеза. Третье. Исторический синтез, реализуемый в обобщающем национально-региональном нарративе, имеет специфическую природу и условно определяется в данной статье как «субъектный синтез». Четвертое. Одной из предпосылок достижения научной объективности обобщающих историй является рациональная саморефлексия социокультурных и политических субъектов регионального исторического процесса на его современном этапе, которая реализуется в теоретико-методологическом поиске научного сообщества. Научная значимость решения обозначенной проблемы обусловлена тем, что оно необходимо для формирования синтезной концепции истории России, в которой ее развитие как государства, общества и цивилизации будет представлено в единстве и взаимной обусловленности; истории народов России будут представлены как дополнительные относительно друг друга и относительно национальной российской истории; будут предложены убедительные основания для исторической идентичности и диалога социокультурных субъектов «текущей российской истории», для их ориентации в современной мировой реальности, для осознанного выбора ими общего будущего.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказ; история; общие интерпретации; методология; синтез; нарратив; национальные истории.

METHODOLOGICAL ISSUES OF REGIONAL HISTORY: PRELIMINARY NOTES**A.Kh. BOROV**

*FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»,
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Abstract. The article discusses several issues related to the problems of constructing generalized works on the history of the North Caucasus. The first. It is possible and necessary to solve the conceptual problems of historical Caucasian studies based on a specific cognitive task and type of work, and not only on the substantial characteristics of various theoretical and methodological approaches and the specifics of the subject of study. The second. The central methodological problem of generalizing histories (of the region as a whole or of individual peoples and republics) is the problem of historical synthesis. The third. Historical synthesis, implemented in a generalizing national-regional narrative, has a specific nature and is conditionally defined in this article as “subjective synthesis”. Fourth. One of the prerequisites for achieving the scientific objectivity of generalizing stories is the rational self-reflection of the sociocultural and political actors of the regional historical process at its present stage, which is realized in the theoretical and methodological search of the scientific community. The scientific significance of the solution of this problem is due to the fact that it is necessary for the formation of a synthetic concept of the history of Russia, in which its development as a state, society and civilization will be presented in unity and mutual conditionality; the histories of the peoples of Russia will be presented as complementary in respect to each other and in respect to national Russian history; and convincing grounds will be offered for historical identity and dialogue of the socio-cultural subjects of “current Russian history”, for their orientation in modern world realities, for their conscious choice of a common future.

Keywords: Russia; North Caucasus; history; general interpretations; methodology; synthesis; narrative; national histories.

Релевантность методологического анализа

В ходе дискуссий конца XIX в. вокруг «Германской истории» К. Лампрехта, который признавал частные недостатки своей работы, но настаивал на научной обоснованности предложенного им метода, немецкий консервативный историк Г. Белов язвительно заметил: «О методе пишет тот, кто ничего не понимает в предмете» [Патрушев 1992: 91]. И действительно, методологические штудии могут вызывать вполне оправданный скептицизм у профессиональных историков, занятых источником-ориентированными исследованиями конкретных исторических сюжетов. Но есть по меньшей мере два случая, когда знание методологическое и знание предметное совмещаются, образуя неразрывное единство. Первый случай имеет место, когда предметом анализа становится само историческое познание: метод оказывается частью предмета, а «рассуждение о методе» – формой осмысления предмета. Так что, обзорное либо специальное и отчасти самоудовлетворяющее рассмотрение теоретико-

методологических проблем вполне оправдано с точки зрения общих задач развития исторической науки и профессионального самосовершенствования историка. Однако есть второй случай, когда анализ условий эффективного участия «знания методологического» в формировании «знания предметного» становится необходимым. Он связан со спецификацией методологического инструментария применительно не только к объекту и предмету познания, но и к характеру и особенностям – к «жанру» – той или иной исторической работы. В частности, специального методологического анализа требуют проблемы построения обобщающих трудов по истории тех или иных культурно-исторических общностей – народов, государств, социальных групп и т.д., рассматриваемых в качестве отдельных единиц или субъектов исторического процесса. Здесь действительно необходимо предварительное определение концептуальных рамок и принципов интерпретации, организации и представления обширного исторического материала.

Сама идея общей интерпретации в качестве своей предпосылки имеет концепт определенного «исторического индивидуума», говоря языком классического немецкого историзма. Такой концепт не может быть обоснован непосредственно фактическим материалом и не должен сводиться к чьей-либо субъективной «интуиции целого». Без теоретической и методологической обработки эмпирических и мировоззренческих составляющих предмета общей интерпретации его целостное и одновременно структурированное представление было бы невозможно.

Общая интерпретация опирается на согласованный свод научных результатов, полученных многими специалистами, и сама, как правило, носит коллективный характер. Иными словами, она может рассматриваться как воплощение парадигмы, по поводу которой в данном научном сообществе уже сложился или еще должен быть достигнут определенный консенсус. Следовательно, без анализа «оснований» здесь не обойтись.

Применительно к общим историческим интерпретациям особым образом стоит проблема объективности при отборе, представлении и оценке значения исторических фактов, явлений и процессов. Сугубо профессиональные критерии объективности, будучи абсолютно необходимыми, в этом случае могут оказаться недостаточными, хотя бы потому, что некоторые элементы общеисторических интерпретаций несводимы к источниковым данным.

Применительно к общим историческим интерпретациям под вопросом оказываются классические принципы историзма – учет дистанции между настоящим и прошлым и рассмотрение каждого явления в контексте его собственного времени. Поскольку изложение доводится «наших дней» дистанция между прошлым и настоящим оказывается стертой внутри единого повествования. Разумеется, каждый отдельный эпизод, событие, явление должны быть помещены в контекст их собственного времени. Но что может быть контекстом для «всей истории» данного исторического субъекта (народа, страны, региона)? Только более широкая или даже «глобальная» историческая концепция, которой руководствуются авторы обобщающего труда. Она, в свою очередь, может быть помещена только в контекст мировидения, интересов,

господствующей научной парадигмы их собственной эпохи. На (ре)конструируемой траектории развития данного исторического субъекта возникает особая точка притяжения, некий супер-аттрактор, задающий направленность историческому процессу. Таким супер-аттрактором выступает эпоха, к которой принадлежат авторы. И это обстоятельство должно учитываться при обсуждении методологических проблем общих исторических интерпретаций.

«Методология обсуждения методологии»

Весьма полезные процедурные рамки или алгоритм обсуждения соответствующих вопросов представляют идеи выдающегося современного методолога Йорна Рюзена, в частности, предложенная им «дисциплинарная матрица» исторической науки и анализ механизмов порождения исторического смысла в интерпретации и нарративе.

В отличие от дисциплинарной матрицы естественных наук, познавательная структура истории включает и некоторые некогнитивные элементы и функции. Исходный пункт движения к исторической интерпретации находится в сфере жизненной практики. Его составляют познавательные интересы, порождаемые потребностями выбора ориентации в меняющихся условиях современного мира. Цели и стремления людей, социальных и национальных групп и целых обществ выходят за рамки текущей ситуации, а их последствия не совпадают с первоначальными намерениями. Имея сложившиеся представления о своем месте в культурно-историческом процессе (историческую идентичность) они сталкиваются с кризисом – с непредвиденными изменениями условий и, соответственно, потребностей своей жизнедеятельности. Из этого вырастает познавательный интерес к поиску новой ориентации во временном изменении современного мира.

Но одновременно история функционирует как академическая дисциплина со своей собственной «логикой», которая характеризуется, главным образом, методической рациональностью в трактовке эмпирических свидетельств прошлого. Таким образом, между потребностями жизненной практики и научным исследованием имеется не только очевидная связь, но и достаточно жесткая грань. Оно не просто удовлетворяет потребность социальных субъектов в самоидентификации и ориентации, но производит и некий «теоретический излишек», который выходит за пределы частного практического интереса и составляет определенное рациональное достижение, приобретающее непреходящее значение. Форма представления полученного исторического знания должна обеспечивать возможность его критической проверки со стороны профессионального сообщества. Но главное заключается в том, что оформленный результат исследования как бы возвращается в сферу жизненной практики и выполняет функцию культурной ориентации и поддержания исторической идентичности данного социального субъекта [Рюзен 2001]. История – это ответ на кризис, который должен быть преодолен интерпретацией [Рюзен 2005: 40].

Кризис, который должен быть преодолен интерпретацией

Кратко представленный выше круг идей Й. Рюзена позволяет поставить вопросы, ответы на которые создают основу для более детального методологического анализа: О каком непредвиденном изменении, требующем перестройки исторического сознания может идти речь применительно к современной истории Северного Кавказа?

Современный Северный Кавказ представляет собой сложное этническое, социальное, политическое сообщество. «Непредвиденное изменение» условий собственного существования, с которым оно столкнулось на исходе XX века – это все то, что связано с концом биполярного мира, распадом СССР, трудным процессом становления современного Российского государства, процессами демократизации и глобализации.

Общественные трансформации развертывались в условиях распада союзной государственности и резкого ослабления государственности российской. При этом «рыночные» и «демократические» преобразования предполагали глубокий радикальный разрыв с прежней общественно-политической системой, ее тотальную делегитимацию в общественном сознании. Осуществляемые реформы носили форсированный характер и не предусматривали какого-либо учета специфичности социально-экономических структур и социокультурных традиций как российского общества в целом, так и его отдельных этнорегиональных сегментов.

Вышеизложенное объясняет, почему ситуацию конца XX на Северном Кавказе иногда характеризуют как «системный кризис». Но с точки зрения его пространственной локализации этот кризис и по своему генезису и по качествам системности не ограничен территорией Северного Кавказа. Он находится в плоскости отношений государства (центра) и «северокавказского общества» (периферии). Фундаментальное значение с точки зрения предмета настоящей статьи имели два аспекта в кризисе этих отношений.

Структурный кризис – нарушение социально-политического континуума по линии «федеральный центр – регионы Северного Кавказа». В период доминирования идеологии «безумного либерализма» федеральный центр воспринимал Северный Кавказ как внешнюю помеху для реализации западного проекта либеральной модернизации и как провинцию, которую необходимо «усмирить» и умиротворить. С другой стороны, в структурах идентичности местного населения произошло резкое повышение значимости этно-конфессиональных измерений, при ослаблении российской гражданской идентичности и утрате элементов подданнической психологии.

Ценностный кризис – кризис легитимации власти в обществе. Легитимация имперского государства в общественном сознании народов Северного Кавказа была достигнута на базе обеспечения им устойчивого административного и правового порядка в регионе без коренной ломки традиционных этнокультурных систем. Легитимация советского государства строилась на основе социально-экономического динамизма и расширения культурных горизонтов для местных обществ. Оба эти основания были

серьезно подорваны в процессе рождения современной российской государственности. Кризис легитимации Российского государства вызвал здесь не только настроения пассивного отчуждения от него, но возродил альтернативные формы самоидентификации – этнический национализм и исламский фундаментализм.

Если рассматривать многообразные явления современного состояния Северного Кавказа в широком контексте исторического времени, как этап его собственного развития, то можно с уверенностью констатировать, что конец XX – начало XXI в. образует кризисный период в процессе его модернизации. Региональный кризис конца XX в. есть кризис модернизации, но он вызван не культурным протестом традиционалистских социальных слоев и групп против осуществляемых государством модернизационных преобразований, а реакцией переходного общества незавершенной социально-культурной модернизации на условия резкого срыва процесса и крушения уже «освоенных» этим обществом политико-экономических форм модернизации.

И это ставит вопрос об обратимости и необратимости в результатах регионального социально-исторического развития. Он приобрел для народов Северного Кавказа особое значение в связи с интенсивными процессами культурно-языковой ассимиляции во второй половине XX в. и эрозией ценностного ядра традиционной культуры, отнесение к которой составляет основу их национальной идентичности. Возрождение и сохранение этнической культуры стало восприниматься как насущная задача, как непереносимое условие выживания самого народа.

Необходимость ориентации в этих новых условиях воплощается в современных национальных и общественных запросах и потребностях, определяющих историческую перспективу для народов Северного Кавказа. Фундаментальными по своему значению можно признать следующие из них:

а) потребность в ясном и определенном сознании своей исторической идентичности, т.е. в получении убедительного ответа на вопросы «Кто мы?» «Откуда мы?» «Куда мы идем?»;

б) потребность осознавать себя в качестве субъекта исторического действия, определяющего свою судьбу, а не в качестве «этнографического материала» или объекта исторического творчества каких-либо внешних сил;

в) потребность в сохранении живой связи с национальной культурной традицией, в обеспечении устойчивого воспроизводства этнокультурных основ своего национального существования;

г) потребность в активном освоении экономических, научно-технических, культурных и политических форм жизнедеятельности современного (модернизированного) общества, в открытости и взаимодействии с окружающим миром.

Может ли академическая историография давать прямые и непосредственные ответы на подобного рода общественные запросы?

Ответ академической историографии

Если историк и научная дисциплина, которой он занимается, сохраняют свой профессиональный академический статус, то их ответ на любые общественные потребности и запросы должен быть опосредован *исследованием* соответствующих проблем. Это значит, что ответ, который академическая дисциплина (в нашем случае – кавказоведение) дает на порожденную кризисом потребность найти ориентацию в меняющихся условиях современности должен определяться не только и не столько национальной и гражданской самоидентификацией членов научного сообщества, сколько профессиональными стандартами научного исторического исследования.

Стандарты эмпирического исследования предполагают экспликацию приемов и методов работы историка с источниками, позволяющую судить о качестве источниковедческого анализа и корректности интерпретации автором сообщений источника. Здесь попутно можно заметить, что в подавляющем большинстве современных исторических публикаций работа по исследованию источников, проделанная автором, совершенно не видна. Обзорные характеристики «источниковой базы» дают не больше, чем указание на архивохранилища и фонды, к которым обращался автор, а в лучшем случае – классификацию источников по их видам. Но это только предварительный этап выявления документов («эвристика», как сказали бы Ланглуа и Сеньобос) и «перескакивать» от него сразу к «окончательному построению», бегло цитируя безымянные документы с отсылками к безымянным архивным фондам и делам, представляется некорректным.

Но для целей настоящей статьи важнее концептуальный аспект профессиональных стандартов научной историографии. Результат любого более или менее масштабного исследования неизбежно опосредован перспективой, теориями, категориями, которыми руководствуются профессиональные историки в своем общем понимании прошлого. Методологическая рефлексия, экспликация концептуальных установок и теоретических рамок интерпретации смысла и значения изучаемого явления, аспекта или процесса – признак академического характера исторического труда.

Й. Рюзен подчеркивает, что общие интерпретации истории строятся вокруг тех или иных концептов значимости (обозначения) и перспективы временного изменения, в рамках которых прошлое приобретает свой особый облик как «история» [Рюзен 2001: 13]. Их функция состоит в экспликации представлений о базовых характеристиках изучаемого предмета: об общей направленности исторического процесса и о единстве (самотождественности) его субъекта. Научная историография не удовлетворяется интуитивными и произвольными идеями на этот счет, а опирается на социологические категории, социально-исторические теории, в явном виде демонстрирующие свои эмпирические и логические основания, поддающиеся рациональному обсуждению и проверке посредством рациональных процедур.

То, что обыденное сознание и политический интерес воспринимают как непосредственную данность, наука превращает в предмет рефлексии, обоснованного выбора и концептуализации. Иными словами, научный подход проблематизирует все аспекты отношения к исторической реальности – и сам источник познавательного интереса (актуальную общественную потребность в ориентации во временном изменении современного мира), и основную единицу исторического анализа, и собственно интерпретацию исторической траектории рассматриваемого объекта или субъекта.

Синтез как центральная проблема общих исторических интерпретаций

Решение последней из указанных проблем опосредовано всей исследовательской работой, формирующей социальный запас достоверных знаний о прошлом данной общности, но непосредственно оно реализуется в обобщающем историческом нарративе. Риторически заостряя вопрос о жанровой специфике обобщающего исторического нарратива можно было бы ввести различие между двумя типами познавательного интереса к прошлому – «историческим познанием», с одной стороны, и «познанием истории», с другой. В первом случае подразумевается стремление к обретению первичного или нового знания о любом конкретном фрагменте прошлой социальной реальности, что возможно только на основе обращения к первоисточникам. Условия, принципы, методы реализации исследовательского процесса, нацеленного на обретение нового и максимально достоверного знания, и являются предметом методологии истории в узком и конкретном смысле [Мининков 2004: 93]. Во втором случае, речь идет о потребности в систематизации, упорядочении и интерпретации совокупности уже накопленных исторических знаний о том или ином объекте познавательного интереса, в пределе – о совокупном прошлом всего человечества. Здесь в силу вступают категории методологии в широком смысле этого слова, обнимающей «аналитические концепции исторического процесса, способы познания причинных и структурных связей, теоретический анализ прошлых обществ и процессов перехода от одного типа общества к другому, модели, объясняющие динамику и статику истории» [Савельева, Полетаев 1997: 61].

Но и в пределах методологии в указанном ее понимании требуется дальнейшая конкретизация аспектов и задач теоретического анализа. Представляется, что в нашем случае он должен быть направлен преимущественно на поиск путей и форм воплощения исторического синтеза. Приведенное выше описание познавательных процедур в определении методологии в широком смысле слова показывает, что их логическая функция является скорее синтетической, а не аналитической. Дополнительная аргументация здесь вряд ли нужна.

Разумеется, проблема исторического синтеза принадлежит к числу давних, а может быть и «вечных» проблем научного познания. Классическим, идущим из XIX в. от Л. Ранке принципом обобщающего исторического построения, является повествовательный синтез генеральных тенденций,

структур и отдельных событий. В знаменитом руководстве по методике и методологии исторического исследования Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса оно рисовалось как состоящее из двух видов познавательных процессов – аналитических и синтетических. Именно синтетический процесс, сопровождая все этапы исследования, «приводит к окончательным выводам и венчает историческое построение с научной точки зрения» [Ланглуа, Сеньобос 2004: 210-211].

По Ланглуа и Сеньобосу его цель сводится к максимально полной реконструкции определенного фрагмента прошлой реальности и не предполагает решения каких либо теоретических задач. Но к этому времени делались уже попытки исторического синтеза иного рода, построенные на приложении к историческому материалу теоретических схем, направленных на его глобальное объяснение. Здесь достаточно указать на марксистскую теорию исторического процесса или на идею «культурно-исторического синтеза» К. Лампрехта. Обе эти теории были предметом оживленных и острых дискуссий в обществоведческой и исторической мысли рубежа XIX-XX вв.

В XX в. ориентация на исторический синтез оказалась связана с попытками представить исторический процесс в его непосредственной целостности. На историософском уровне они выразились в постулировании того, что человеческая история структурирована определенными культурно-историческими «монадами» – цивилизациями. В построениях О. Шпенглера и А. Тойнби цивилизации предстают в качестве сложных и эволюционирующих, но, тем не менее, целостных, локализованных в пространстве и времени единиц всемирно-исторического процесса.

В рамках академической историографии основной вектор в поисках исторического синтеза был задан идеей «тотальной истории», высказанной основоположниками школы «Анналов». Внутренним богатством этой идеи обусловлено то обстоятельство, что в дальнейшем она реализовалась в различных исследовательских программах, предложивших либо социологическую (социоисторическую), либо социокультурную, либо антропологическую ее интерпретацию. Поиски исторического синтеза реализовались, соответственно: в первом случае – через вычленение социальных целостностей, задающих объективные структурные условия человеческой деятельности; во втором – через идентификацию и «прочтение» символических систем, культур, обеспечивающих ориентацию и придающих смысл социальным действиям; в третьем – через проникновение в субъективный опыт человека, «переживающего» исторические сдвиги своего времени.

С 1960-х годов ведущая роль в разработке различных вариантов исторического синтеза принадлежала «новой социальной истории». Однако с 1970-е гг. развиваются два процесса, существенно повлиявшие на подходы к решению проблем исторического синтеза. Во-первых, – бурное расширение предметно-тематических интересов, внутренняя специализация и тенденция к фрагментации предметного поля социальной истории. Во-вторых, – начавшаяся

ломка общекультурной парадигмы модернизма и переход к постмодернистской культуре.

С одной стороны, виднейшие представители современной исторической науки продолжили поиск путей к историческому синтезу и предложили ряд плодотворных концепций. В середине 1980-х гг. один из лидеров новой социальной истории П. Стирнз подвел итоги и наметил перспективы развития этой субдисциплины. Указывая на то, что расширение тематического охвата исследований не может быть безграничным, он призвал повернуться к более зрелому рассмотрению уже сложившейся проблематики. Помимо прочего, это подразумевало стремление к обогащенному синтезу. В качестве возможных путей к этому он указывал на исследование многообразных процессов применительно к ограниченным в пространстве и времени единицам в духе тотальной истории; на необходимость осуществления сравнительных исследований; а также отслеживание трансформации определенного феномена, либо небольшого числа тесно связанных феноменов на протяжении длительных временных отрезков [Stearns 1985: 323, 326, 330, 332]. Проблемы исторического синтеза на фоне дуализма микро- и макроистории рассматривали Ч. Тилли, К. Райтсон, Ч. Фитьян-Адамс [Репина 1998: 45, 66-72]. Вместе с тем, по глубокому наблюдению Л.П. Репиной, в разнообразных программах исторического синтеза 1970-80-х гг. предполагалось, что целостная, тотальная история должна присутствовать не в самих конкретных исследованиях, а как бы «на горизонте» как сверхзадача, как их совокупная генеральная программа [Репина 1994: 15].

С другой стороны, под воздействием структурализма и постмодернизма в рамках академической историографии складывается оппозиция исторической культуре модернизма, которая выражалась, в частности, в утверждении множественности истолкования культурного текста, его постижения средствами индивидуального субъективного восприятия, в реабилитации интуитивизма и идиографизма, в обращении к детали, в переходе от системных теорий к признанию множественности языков описания [Зверева 1994: 40]. Последствия этих процессов для профессиональной самоидентификации современных российских историков и для судеб идеи исторического синтеза нашли выражение в опубликованном сравнительно недавно ярком манифесте с призывом к методологической переориентации исторической науки [Володихин 2002].

Автор этого манифеста Д.М. Володихин считает все более беспредметными взгляды историков, ратующих за синтез разнообразных подходов, за постепенное движение в сторону «тотальной истории», объединяющей нарратив и аналитические практики, сводящей вместе отдельные факты и структурные изменения в обществе. Им следовало бы задуматься, зачем и для кого нужны такие труды? Кто и с какой целью станет их читать? Стержневую причину общего кризиса исторической науки в XX в. он видит в том, что модернизация европейских социумов в новое время разрушила Традицию и заменили веру в волю Божию как основной двигатель исторических процессов на веру в некие универсальные законы общественного

развития, которые так и остались непознанными. Но он все-таки допускает возможность нового обретения синтеза, связывая ее с отказом от иллюзий Нового времени и возвращением к духовным сверхценностям, которые доминировали над социумом в традиционном обществе. При этом природа самой сверхценности может определяться как непознаваемая (во всяком случае, научными методами) [Володихин 2002].

Здесь проявляется существенный изъян в построениях Д.М. Володихина. Они предполагают выведение из сферы рационального анализа, критики и обсуждения основополагающих и ориентирующих элементов исторического исследования – «сверхценностей». Второй существенный изъян связан с принятым им допущением, что на смену процессам глобальной модернизации приходит «глобальная архаизация», а возврат к традиции может быть реализован через индивидуальный выбор того или иного историка. В глобальном историческом процессе вряд ли можно усмотреть подобную цикличность. Для многих частей современного мира, включая и Северный Кавказ, речь идет не об исчерпанности модерна, а о его фрагментарности и незавершенности. В этих условиях предписывать историку ориентацию только на ценности традиции означало бы такое сужение интеллектуальных горизонтов, которое не может быть преодолено соблюдением методических и технических стандартов анализа источников.

Исторический нарратив и «субъектный синтез»

Что касается поставленного Д.М. Володихиным вопроса кому и зачем нужен исторический синтез, то ответ мог бы звучать таким образом, что любые социальные и культурные (национальные) общности, нуждающиеся в установлении или поддержании идентичности, являются потенциальной аудиторией «синтезных», обобщающих историй, связывающих воедино их прошлое и настоящее. Действительно важный для историка вопрос заключается в том, есть ли возможность рационально обосновать выбор той или иной позиции в этой системе координат, не сводя его к акту сознательного воления, отнесенного только к некоей иррациональной сверхценности?

Очевидно, что это сложная многоаспектная проблема. Скажем, применительно к Северному Кавказу речь идет о необходимости дать единую интерпретацию тенденций развития, выражающих социокультурную целостность, самобытность субъектов регионального исторического процесса и их открытость воздействию многообразных все более интенсивных внешних влияний; проследить масштабность и разнообразие форм социально-культурной динамики в широчайших временных рамках и соотнести их с единым преемственным субъектом исторических трансформаций; отразить взаимосвязь и содержательную общность явлений и процессов, конституирующих Северный Кавказ в качестве определенной историко-культурной области и их внутреннее многообразие, применительно к субрегиональным социально-историческим организациям. Причем в данном случае целостная история должна присутствовать не «на горизонте», как

сверхзадача, а непосредственно в структуре и тексте обобщающего труда. О трудностях решения подобной задачи писал ведущий представитель школы «новой локальной истории» Ч. Фитьян-Адамс: тот, кто пытается согласовать результаты изучения историй множества локальных обществ с национальной английской историей и результатов исследования отдельных периодов с целостным представлением развития «с доисторических времен до наших дней», сталкивается с проблемой синтеза в пугающих масштабах. Решение ее предполагает высокий уровень обобщений [Phythian-Adams 1994: 22].

Вместе с тем, приведенный выше обзор поисков пути к историческому синтезу позволяет типологизировать их в соответствии с основной познавательной установкой. Первый тип, направленный на общую интерпретацию форм и модальностей социальных изменений, как правило, опирается на ту или иную макросоциологическую теорию, раскрывающую механизмы социальной эволюции. Его можно обозначить как «объяснительный» синтез. Второй тип направлен на идентификацию устойчивых систем, на схватывание непосредственной целостности социально-культурных и социально-территориальных образований, рассматриваемых в качестве основных единиц исторического процесса. Это – своего рода «объектный» синтез. Наконец, синтез, реализуемый в нарративе, прослеживающем историческую жизнь, путь, становление определенного исторического субъекта, чаще всего – нации или государства, можно обозначить как «субъектный» синтез.

На материале северокавказской истории могут быть предприняты попытки реализации каждого из вариантов синтеза, но с точки зрения современного состояния массового, прежде всего, «интеллигентского» сознания на Северном Кавказе наиболее настоятельный запрос предъявляется на работы, подтверждающие историческую идентичность отдельных национальных групп, рисующие образ «своего» народа и «собственной», автономной от имперской, истории [Гатагова 2003: 256].

Первые результаты продвижения региональной историографии в этом направлении получили в литературе негативную оценку. Характеризуя общие тенденции развития историографии на постсоветском пространстве, К. Аймермахер и Г. Бордюгов, констатировали: «Для нынешнего «переписывания» историй характерны даже среди историков тенденции к героизации, удревнению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счет соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей» [Аймермахер, Бордюгов 2003: 14]. Практически все эти тенденции фиксируются наблюдателями и на материале северокавказской историографии, для которой новым испытанием стала «ловушка» этноцентризма [Шнирельман 2000; Гатагова 2003: 269].

Почти через десять лет после первой публикации процитированной выше работы В.В. Дегоев вновь поставил вопрос о соответствии российского кавказоведения требованиям времени с точки зрения и теоретической, и практической. Отвечая на него, он указывал, что прошлое народов Кавказа

превращено в мозаику воюющих между собой национальных историй, наполненных мифами о великом культурном и территориальном наследии, на которое якобы посягают соседи. При этом стремительно сокращается разница между профессионалами и любителями – и те и другие работают на конъюнктурный спрос, целенаправленно выполняя политические заказы и преднамеренно эксплуатируя опасные социальные настроения [Дегоев 2007: 18-23].

Значит ли это, что проблематика «национальных историй» на Северном Кавказе целиком лежит в социально-политической плоскости и лишена научного содержания? Представляется, что дело обстоит сложнее.

Национальная история: предмет или подход?

Сложность вопроса о «частных» национальных историях народов современной России можно проиллюстрировать материалами небольшой дискуссии 2012 года на страницах журнала «Научная мысль Кавказа».

В статье Б.В. Виноградова, О.В. Клочкова и В.Е. Федорина само введение в региональный научно-исторический дискурс понятий «национальная историография» и «национальные историки» расценивалось как негативное явление и с точки зрения практики историописания, и с точки зрения социально-политических последствий. Принадлежность к «действительно российской» исторической науке, настаивали они, предполагает исследование отечественной истории «без явных или маскируемых этнических пристрастий». «Национальное» же историописание склонно видеть «свои» народы однозначно «максимально древними», сугубо героическими, всегда и во всем правыми. «Национальные» историки рассматривают прошлое «своих» народов в качестве некой этнической собственности, призванной удовлетворять современные национально-политические амбиции, способствовать националистическому по сути самолюбованию [Виноградов и др. 2012: 73-74]. Невозможно отрицать, что указываемые авторами изъяны присутствуют в тех или иных работах историков Северного Кавказа. Но складывается впечатление, что для авторов статьи в принципе не существует национальной истории народов региона как предмета и проблемы науки. Существует только «национально-зацикленная наука», практикуемая этнически ангажированными историками.

Развернутый ответ на эти суждения дала Э.А. Шеуджен, ведущий методолог современной северокавказской историографии. Она обратила внимание, что становление национальных исторических школ рассматривается в истории исторической науки как позитивное явление и что в настоящее время используют понятия «национальная историография», «национальные историки», имея ввиду не столько этническое происхождение, сколько круг научных интересов. Иными словами, национальные истории народов Северного Кавказа существуют потому, что существует их предмет. Он входит в круг интересов исторического познания с античных времен, а в XIX в. трудами российских ученых формируется научное кавказоведение. И

сообщество современных северокавказских историков связывает не только национальная принадлежность, а прежде всего, профессиональные устремления к познанию истории вообще, российской истории и истории «своих народов» [Шеуджен 2012: 91]. В этой части возражения Э.А. Шеуджен вполне справедливы и убедительны. Но со своей стороны, она как бы не усматривает проблемы в сочетании этнической ангажированности и академического статуса историографии. Акцент делается на объективной обусловленности оформления этно-национальных исторических школ: «современные этносы хотят быть наконец-то услышанными», «к историку предъявляются профессиональные требования, но это не исключает понимание того, сколь значимо для историка ощущать себя частью народа, а не быть “Иваном не помнящим родства”». При этом, без каких-либо оговорок цитируются суждения М. Хальбвакса и Дж. Де-Воса о таких характеристиках социальной памяти и «этнических» историй, как склонность ретушировать, подчищать и дополнять события прошлого, «приписывая им обаяние, каким не обладала реальность»; интерпретировать историю, «восполняя недостаток фактов собственной защищающей их мифологией» [Шеуджен 2012: 93,95].

Разумеется, это не значит, что Э.А. Шеуджен считает допустимым для профессиональных историков ретушировать, подчищать и дополнять события прошлого или восполнять недостаток фактов мифологией. Основным занятием историков – указывает она – является исследование того, что в действительности произошло через трудоемкие изыскания по выявлению и прочтению источников. Воспроизведение же широкой и образной картины прошлого в нарративе, обобщает факты, установленные в результате исследований [Шеуджен 2012: 97]. С этой точки зрения было бы логичней согласиться с оппонентами в том, что касается этнических определений к существительному «историк». В свое время видный английский историк П. Берк заявил: «Я хотел бы сказать, что хотя я считаю себя социалистом и историком, я не социалистический историк, то есть я не верю в социалистическую историю» [Burke 1981: 8]. Здесь выражено кредо профессионального историка, которое не допускает подчинения исследовательских процедур личным мотивам, а также понимание того, что историческая реальность сложнее, чем это видится с любой идеологической точки зрения.

Актуальная идентичность и исторический нарратив: национально-региональные и общие проблемы

Весьма ценной представляется постановка в статье Э.А. Шеуджен вопроса о познавательном статусе историописания (исторического повествования) [Шеуджен 2012: 97]. Она позволяет перейти к обсуждению методологической проблематики построения национальных исторических нарративов народов Северного Кавказа. Ядро этой проблематики составляет взаимосвязь существенных характеристик представления прошлого и

настоящего данного исторического субъекта и типологических характеристик нарратива, связывающего их воедино.

В самом деле, если в своем актуальном положении группа (народ) описывается в терминах культурно-языковой общности – как этнос, то описание его истории, выходящее за рамки этнографии, скорее всего приобретет форму *исторического нарратива традиционного типа*. По Й. Рюзену он характеризуется тем, что утверждает значимость прошлых образцов поведения, воспринимаемых в настоящем и являющихся основой для будущей деятельности [Rüsen 1987: 91]. В центре внимания исторического интереса в этом случае оказывается возможность или невозможность устойчивого воспроизводства этнокультурных основ коллективного существования. Их изменение приобретает негативные коннотации и связывается, как правило, с внешними деструктивными воздействиями – травмами (утрата независимости в результате завоевания, насильственная ломка этносоциальной традиции, культурно-языковая ассимиляция, акты произвола со стороны государства). В связи с этим возникает вопрос, может ли нарратив традиционного типа стать полноценным воплощением национальной истории. Даже те подходы к изучению наций, которые акцентируют значение их этнических корней, уходящих в до-современную эпоху, рассматривают их в качестве феномена эпохи модерна и в качестве гражданского, а не этнического сообщества [Smith 1996]. Нарратив традиционного типа, нацеленный на историческое подтверждение этнической идентичности, не может вместить все аспекты и результаты исторического процесса становления нации.

И вряд ли достаточно просто поименовать народы современного Северного Кавказа нациями, а их историю – национальной историей. Они, несомненно, представляют собой нечто большее, чем народы-этноты, но позитивное определение их актуального социально-исторического статуса требует специального анализа и нового взгляда на их историю. Дело, в частности, в том, что процесс становления большинства современных наций включает в себя моменты революции. Нации утверждаются не только через освобождение от внешнего имперского или колониального господства, но и через отрицание собственной социально-политической и социально-культурной традиции – «старого режима» в широком смысле слова, то есть не только абсолютистских поползновений монархической власти и отношений феодальной зависимости, но и политической раздробленности, унаследованной от того же феодализма и этно-регионального партикуляризма. Историографическим воплощением этого опыта является исторический нарратив критического типа, отрицающий значимость прошлого опыта для современности. По Й. Рюзену, именно данный тип нарратива служит средством перехода от одного типа исторического сознания к другому, ибо критика создает возможность для развития исторического познания [Rüsen 1987: 91]. Применительно к истории народов Северного Кавказа нарратив критического типа был представлен в двух версиях: просвещенной имперско-европейской и советской социально-прогрессивной. Обе они воплощали не «самокритику» северокавказских обществ, а критику извне, фиксирующую архаичность

традиционного этносоциального уклада народов региона. Существенным достоинством советской версии было то, что она признавала их способность стать субъектами прогрессивного исторического действия в качестве союзников передовых социальных сил в прошлом, и идти в авангарде мирового развития как и все советские народы в настоящем. Поэтому она оказалась вполне приемлемой для национально-региональной историографии советского периода. В современных условиях «критика исторического опыта» народов Северного Кавказа ведется преимущественно с «неоимперских» позиций, ответственность за травмы прошлого возлагается на сами эти народы, а «национальный» подход к их интерпретации рассматривается как угроза российскому обществу и государству. С другой стороны, в контексте этноисторического дискурса критика этносоциальной традиции равносильна разрушению собственной идентичности и практически невозможна.

Формой «снятия» ограничений, накладываемых на историческое сознание нарративами традиционного и критического типа является исторический нарратив генетического типа. Он представляет сущность истории как изменение и прослеживает как прошлые образцы деятельности трансформируются, чтобы быть включенными в современные условия [Rüsen 1987: 91]. Но здесь возникает еще одна проблема, требующая отдельного обсуждения, проблема презентизма.

Справедливо указывая, что историческое исследование всегда представляет собой некий синтез прошлого и настоящего, причем и представления о будущем оказывают важное влияние на репрезентации прошлого, И.М. Савельева и А.В. Полетаев усматривают в этом опасность презентизма, который понимает историю не как познание объективной реальности прошлого, а как его мысленную картину, создаваемую в настоящем и становящуюся частью этого настоящего. Презентистские настроения они считают неизбежным злом. Но на их взгляд в еще большей степени методологический анахронизм порождается стремлением придать истории научный характер путем использования общественно-научных моделей, разработанных применительно к современности. Учитывая, что, с позиций современной социологии знания, прошлая социальная реальность всегда конструируется в настоящем, преодоление негативных следствий презентизма возможно при разграничении прошлого и настоящего через введение понятия Другого. Именно эта категория, полагают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, игнорируется в презентистской теории, и именно взгляд на прошлое как на Другое составляет специфику научного исторического знания и накладывает на профессионального историка целый ряд самоограничений, обеспечивающих ему определенную свободу от влияния ситуации настоящего [Савельева, Полетаев 2005: 87-88].

Здесь следует напомнить, что методические правила прочтения источников, принятые в академической дисциплине уже кладут предел презентизму в его простой и грубой форме, а концепт Другого имплицитно присутствует в классическом принципе историзма – судить о явлениях

прошлого в соответствии с условиями и представлениями той эпохи, к которой они принадлежат, а не той к которой принадлежит сам историк.

Это давняя проблема, но она сохраняет свою актуальность и требует осознанного решения. Весьма глубоки и убедительны в этом плане аргументы, которые высказал один из крупнейших современных историков Ю. Кокка в ходе дискуссии между сторонниками «социально-научной» структурной истории и представителями историко-антропологического направления «истории повседневности» в ФРГ [Кокка 1993; Соска 1994].

Во-первых, требование изучать явления прошлого только «изнутри, на их собственной почве» он считает, в конечном счете, нереализуемой неоиорицистской иллюзией. Историк не имеет прямого и непосредственного доступа к прошлой реальности, а источники начинают «говорить» только в ответ на вопросы, которые он ставит перед ними. Мы должны (или вынуждены) использовать наши вопросы, наши точки зрения, наши понятия и теории. Разумеется, их следует модифицировать применительно к различным историческим субъектам, которых мы изучаем, но мы можем реконструировать прошлое только на основе анализа, соотнесенного с определенной точкой зрения, и эта точка зрения наша, а не исторического субъекта, изучаемого нами. Ю. Кокка замечает, что «история не исчерпывается тем, что люди воспринимают и узнают», исключительно герменевтическая реконструкция смысла прошлого восприятия и опыта «не способна дать понимание истории как целого» [Кокка 1993: 180]. Речь здесь идет не об отказе от требований историзма, а о необходимости соединять «понимание» с «объяснением» опыта прошлого. Кроме того, необходимо различать условия и процедуры добывания конкретных «исторических знаний» и условия и способы упорядочения «знания истории» как целого.

Во-вторых, есть проблема изучения данного явления в его взаимосвязях, в историческом контексте (второй классический принцип научного историзма). Важно понимать его во всей полноте – применительно к синхронным (структуры) и диахронным (процессы) связям и зависимостям. Только тогда изучаемое явление предстанет действительно «укорененным» в истории. И дело не только в том, что невозможно понять часть, не имея никакого представления о целом. Если не забывать, что одной из задач историка является способствовать осознанной ориентации во времени, исторической идентичности, а значит самостоятельности своих современников, то формирование у них ясных представлений об историческом контексте (синхронном и диахронном), в который они помещены, становится императивом профессиональной деятельности историка [Соска 1994: 50-52].

Эти суждения ближе стоят к специальным вопросам методологии построения обобщающих трудов – нарративов, охватывающих «всю историю» какого либо субъекта «с древнейших времен до наших дней», в том числе национальных нарративов генетического типа. Нарратив этого типа, мобилизует опыт прошлого с тем, чтобы настоящий опыт стал понятным, а ожидание будущего – возможным, организует внутреннее единство трех модальностей времени (прошлое – настоящее – будущее) идеей непрерывности

и целостности [Рюзен 2005: 49]. Объектом обобщающего нарратива является не прошлое как таковое, а целостный процесс генезиса сущего. Такой объект исторического познания выходит за рамки опыта любого отдельно взятого поколения людей, любой отдельно взятой исторической эпохи. Не случайно, французский историк Б. Лепти в свое время подчеркивал: «Написание синтетической работы всегда означает, по отношению к существующим частным исследованиям, изменение объекта, а следовательно и методологии» [Lepetit 1994: 69]. С другой стороны, именно осознание изменчивости форм жизни и моральных ценностей в генетическом нарративе ведет к пониманию других, а значит и более глубокому пониманию себя.

Проблема объективности общих интерпретаций

Таким образом, решение проблем синтеза при построении обобщающих исторических трудов выходит за рамки академического теоретизирования и предполагает выработку позиции контексте актуальной социально-исторической ситуации. Но в связи с этим неизбежно возникает вопрос о возможности сохранить научную объективность при отборе, интерпретации и оценке значения исторических фактов, явлений и процессов. Очевидный ответ на этот вопрос заключается в том, что гарантией объективности является соблюдение профессиональных стандартов научно-познавательной деятельности. Именно они маркируют четкую границу между жизненной практикой, в которую историки вовлечены как личности и граждане, и академической дисциплиной, которой они занимаются как профессионалы. Видный британский историк Дж. Тош замечает, что теперь, когда битва за торжество научных критериев исторического исследования в среде профессионалов давно выиграна, практические задачи можно выполнять без ущерба для научного уровня (в том числе и потому, что профессиональные историки с чрезвычайным рвением выискивают искажения в работах коллег) [Тош 2000: 52].

Однако применительно к случаю обобщающих исследований, охватывающих всю траекторию становления каких-либо исторических субъектов (скажем современных народов Северного Кавказа) вплоть «до наших дней» сугубо профессиональные критерии объективности, будучи абсолютно необходимыми, могут оказаться недостаточными, хотя бы потому, что некоторые элементы общеисторических интерпретаций несводимы к источниковым данным. Поэтому здесь необходимо обратиться к подходам, предполагающим поиск решения проблемы объективности исторического познания в сфере самой жизненной практики. Наиболее очевидный хрестоматийный пример – марксистско-ленинская теория о том, что мера объективности социальных теорий и исторических концепций определяется их связью с интересами «восходящих» или «нисходящих» классов и общественных систем. При всей ее идеологической нагруженности, она вовсе не лишена гносеологического смысла, но его экспликация потребовала бы громоздкого анализа. Гораздо ближе к академическим интересам находится тот

подход к решению проблемы объективности, который предложил в свое время выдающийся британский историк Э.Х. Карр [Carr 1967].

На первый взгляд неожиданно, Э.Х. Карр ставит проблему объективности исторического познания в связи с обсуждением вопроса о прогрессе в истории. Но дело в том, что наука по определению представляет собой прогрессирующее накопление знаний о своем объекте. Кроме того, историческая объективность не сводится к объективности факта. Факт включается в систему исторического знания лишь постольку, поскольку историки придают ему определенное значение. Дело историка заключается не просто в установлении фактов, но и в различении реально значимых, существенных для его целей и менее существенных, «случайных» в данном исследовательском контексте, фактов. Следовательно, проблема объективности лежит в плоскости отношения между фактом и его интерпретацией, а ее мера определяется тем, какие критерии значимости применяются к установленным фактам. Правда, именно по этой причине объективность не может рассматриваться как абсолютная характеристика научного знания. Но не вытекает из этого и релятивистский вывод о том, что все интерпретации равноправны, поскольку критерии значимости, прилагаемые к ним любым из историков, субъективны. Прежде всего, очевидно – накопление новых данных позволяет уточнять и усиливать объяснительную силу исторических концепций. Не менее важно учитывать глубинную временную структуру исторического познания как артикулированного взаимоотношения прошлого (источник), настоящего (историк в данной социально-исторической ситуации) и будущего (видение историком общей направленности исторического процесса). Историки «воображают прошлое и помнят будущее», приводит Э.Х. Карр высказывание другого крупнейшего историка XX столетия Л.Б. Нэмира. Только это «чувство направления» в истории позволяет упорядочивать и интерпретировать события прошлого (в этом задача историка), высвобождать и организовывать энергию современников с прицелом на будущее (задача государственных деятелей, экономистов, социальных реформаторов). В таком контексте мера объективности историка определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, его способностью в полной мере и ясно представлять ту социальную и историческую ситуацию, в которую он включен. С одной стороны, это позволяет осознать пределы доступной для него объективности. С другой, для него становится возможным критически осмыслить и как бы «подняться над» ограниченностью собственной позиции, приближаясь к большей объективности. Во-вторых, тем насколько глубоко проникает в будущее его видение современных проблем и путей их решения. От этого зависит глубина и жизнеспособность истолкования прошлого в предлагаемых им концепциях. «Более объективными» являются те концепции, которые основаны на «более долговременном видении прошлого и будущего» [Carr 1967: 119-123].

Со своей стороны, Й. Рюзен ставит проблему объективности в ее конкретном отношении к историческому нарративу [Rüsen 1996]. Здесь возможно двойное понимание объективности. Во-первых, это отношение нарратива к историческому опыту как к объективно данной реальности, которая

постигается путем применения строгих исследовательских процедур. Объективность здесь – вопрос отношения интерпретации к фактам. Во-вторых, это интересубъективная значимость исторической интерпретации. Он выражает отношение исторической интерпретации к культурному и социальному контексту, внутри которого интерпретация строится, к которому всякий нарратив адресован, и в котором исторический нарратив служит ориентации практической жизни.

Объективность исторического нарратива как его интересубъективная значимость имеет теоретическое и практическое воплощение. В теоретическом плане она обеспечивается использованием четко сформулированных концептуальных средств, а не метафор. Это придает интерпретации ясность и прозрачность, позволяющую выстраивать, подтверждать либо опровергать аргументацию. Й. Рюзен формулирует методическое правило исторической интерпретации: она должна осуществляться в эксплицитно выраженных концептуальных рамках. В практическом плане интересубъективная значимость (объективность) исторического нарратива обеспечивается его согласованностью с культурными факторами, позволяющими людям урегулировать конфликты мирным путем. Такое регулирование различий и напряженности в процессе формирования идентичностей имеет универсальное основание в категории равенства. По своей функции она равнозначна теоретическим средствам, придающим историческому нарративу аргументативную прозрачность [Rüsen 1996]. «В рамках разнообразия исторических перспектив единство истории может быть достигнуто лишь универсальностью ценностей в методическом процессе исторической интерпретации», – считает Й. Рюзен [Рюзен 2001: 25]. Поскольку всякая идентичность имеет частный характер, взаимное признание и признательность различий в культуре выступает как регулятивная идея интересубъективности и методическое правило построения подтверждающего ее нарратива [Rüsen 1996].

В заключение – об актуальности проблемы

Историческое обобщение опыта социальных трансформаций актуально в научном плане в целях обогащения эмпирического базиса и теоретического оснащения смежных отраслей знания (экономической науки, социологии, политологии и т.д.) и в практическом плане – в целях совершенствования методов государственной политики, повышения качества управления и эффективности осуществляемых реформ. Но наряду с этим оно несет еще специфическую дополнительную характеристику – оно всегда отнесено к определенному историческому субъекту, носителю этого опыта.

Кажется очевидным, что таким историческим субъектом выступает современная Россия. Но это «ставший» субъект. Само содержание российской истории имеет в качестве своей существенной стороны сложный процесс интеграции прежде самостоятельных исторических субъектов (народов, обществ, государств) в состав Российского государства и становление на этой

основе единого исторического субъекта – многонационального российского общества и государства. Что касается исторической субъектности народов современной России, то она ныне «снята» в их единой политической (гражданской) идентичности, в их социальной и культурной общности. Однако она сохраняет свое присутствие в структурах их личной и групповой идентичности, в их историческом самосознании. При всяком обращении к прошлому актуализируются представления группы о собственной самостоятельной роли в истории, а категории историко-политического дискурса включаются в интерпретации современных общественных проблем.

При этом историческая «память», «сознание», «идентичность» синтетичны, они всегда «обобщают», придают опыту прошлого определенность, интегрируют его в некий законченный рассказ – групповой нарратив. Важно, чтобы научно-историческое обобщение опыта социальных трансформаций осуществлялось таким образом, чтобы оно могло стать органичной частью не только общероссийского национального исторического нарратива, но и «частных» национально-региональных исторических нарративов. Об актуальности такого подхода свидетельствуют итоги работы над историко-культурным стандартом, который, как известно, включает в себя перечень так называемых «трудных вопросов истории». Очевидно, что «трудность» определенной части этих вопросов связана с необходимостью достижения их интерпретации, согласующейся с ситуацией множественности исторических идентичностей.

Процесс «согласования» интерпретаций, выработка научной конвенции и утверждение общественного консенсуса предполагают не просто выдвижение максимально широких генерализаций, под которые подпадают все частные случаи. Он развивается на встречах курсах – от общего к частному и от частного к общему. В идеале научные трактовки тех или иных сюжетов в рамках «российского» и «национально-региональных» нарративов будут дополнять друг друга. Но значимость интеграции одних и тех же исторических явлений в структуру этих нарративов неодинакова. То что для российской национальной истории является только одним из ее аспектов или частных сюжетов, может выступать в качестве «глобального» поворота, судьбоносного события в истории отдельного народа. С другой стороны, когда в качестве предмета исследования предлагается широкие исторические процессы (например, формирование многонационального российского государства или модернизации), обнаруживается, что в национальных историях отдельных народов эти широкие процессы предстают как «части часть», как отрезок на пути или «сторона» их собственного исторического развития.

Актуальность обозначенного круга вопросов для современного Российского Кавказа не требует развернутого обоснования. Достаточно указать на его культурно-историческую самобытность, внутреннюю «полисубъектность» исторического процесса, выраженность конфликтных измерений в его прошлом и современном развитии. Интенсивное идеологическое воздействие на историческую память населения, апелляция к ней как к фактору делегитимации государственной и общественной системы

советского социализма в 1990-е годы также имели особое влияние в регионе. История превратилась в поле поисков идентичности и фундамент ориентации в современных общественных реалиях. В текущей ситуации конца 2010-х годов, при отсутствии нормативно определенных институциональных опор для публичных дискуссий и решения этнополитических проблем, их интерпретация интеллектуалами и массовым сознанием по-прежнему осуществляется в сфере историко-политического дискурса. Попытки придать актуальную политико-правовую «нормативность» тем или иным ключевым событиям, отношениям и символам прошлого представляет собой характерную черту региональной этнополитики.

Можно было бы спросить, сколько «прошлых» имеет такое «настоящее» и сколько разных, но в одинаковой мере «объективных историй» региона может быть написано сегодня? Если ограничивать свой взгляд горизонтом текущей ситуации, то действительно можно оказаться в тисках познавательного скептицизма или субъективного произвола в интерпретации прошлого. Но если ориентироваться на будущее, в котором сохраняется возможность неконфликтного взаимодействия альтернативных программ, диалога социокультурных и политических субъектов «текущей истории», поддержания сложных, «многомерных» структур личной и групповой идентичности, то появится возможность различать «более» и «менее» объективные истории. Внутреннее богатство и «подвижность» такого будущего препятствуют редуцированию прошлого в простое обоснование какого-либо фундаментализма – державного, этнического, религиозного или идеологического. Предмет исторического анализа проблематизируется, поскольку проблемой, требующей решения, является искомое будущее. Познавательный интерес, направленный не на доказательство готовой истины, а на обобщение опыта прошлого в интересах настоящего, требует тщательного выявления и учета всех значимых фактов, как соответствующих, так и противоречащих той «идее будущего», которая положена в основу общей интерпретации исторического процесса.

Таким образом, научная значимость решения обозначенной проблемы обусловлена тем, что оно необходимо для формирования синтезной концепции истории России, в которой: во-первых, ее развитие как государства, общества и цивилизации будет представлено в единстве и взаимной обусловленности; во-вторых, истории народов России будут представлены как дополнительные относительно друг друга и относительно национальной российской истории; в-третьих, будут предложены убедительные основания для исторической идентичности и диалога социокультурных субъектов «текущей российской истории», для их ориентации в современной мировой реальности, для осознанного выбора ими общего будущего.

ЛИТЕРАТУРА

Аймермахер, Бордюгов 2003 – *Аймермахер К., Бордюгов Г.* «Свое» и «чужое» прошлое. Введение // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа, Изд. 2-е, испр. и дополн. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – 432 с.

Виноградов и др. 2012 – *Виноградов Б.В., Клочков О.В., Федорин В.Е.* Основные тенденции и направления развития «национальной историографии» в контексте исследования проблем российско-горского взаимодействия и анализа современной этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 1. – С. 73-78.

Володихин 2002 – *Володихин Д.М.* «Призрак третьей книги»: методологический монизм и «глобальная архаизация» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 9. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 51-66.

Гатагова 2003 – *Гатагова Л.* Северный Кавказ: метаморфозы исторического сознания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа, Изд. 2-е, испр. и дополн. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – 432 с.

Дегоев 2007 – *Дегоев В.В.* Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. – М.: «Русская панорама», 2007. – С. 17-34.

Зверева 1994 – *Зверева Г.И.* Морфология социальной истории // Социальная история: проблема синтеза / Отв. ред. В.В. Согрин. – М.: ИВИ РАН, 1994. – С. 35-45.

Кокка 1993 – *Кокка Ю.* Социальная история между структурной и эмпирической историей // THESIS. – Весна 1993. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 174-189.

Ланглуа, Сеньобос 2004 – *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. – 305 с.

Мининков 2004 – *Мининков Н.А.* Методология истории. – Ростов-на –Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2004. – 252 с.

Патрушев 1992 – *Патрушев А.И.* Расколдованный мир Макса Вебера. – М.: Издательство Московского университета, 1992. – 218 с.

Репина 1994 – *Репина Л.П.* Социальная история на пороге XXI века: от междисциплинарного анализа к новому историческому синтезу // Социальная история: проблема синтеза / Отв. ред. В.В. Согрин. – М.: ИВИ РАН, 1994. – С. 10-21.

Репина 1998 – *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 278 с.

Рюзен 2001 – *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 8-26.

Рюзен 2005 – *Рюзен Й.* Кризис, травма, идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 38-62.

Савельева, Полетаев 2005 – *Савельева И.М., Полетаев А.В.* О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 63-88.

Савельева, Полетаев 1997 – *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. – М. Языки русской культуры, 1997. – 800 с.

Тош 2000 – *Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. – М.: Весь мир, 2000. – 296 с.

Шеуджен 2012 – *Шеуджен Э.А.* О «национальной историографии», «национальных историках», «своей» истории и «историописаниях» // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 2. – С. 90-98.

Шнирельман 2000 – Шнирельман В.А. В поисках престижных предков: этнонационализм и школьные учебники // Ответственность историка: преподавание истории в глобализирующемся обществе. Материалы международной конференции. М., 15-17 сентября 1998. – М.: ИВИ РАН, 2000. – С. 150-166.

Burke 1981 – Burke P. People's History or Total History // People's History and Socialist Theory / Edited by Raphael Samuel. – L.: Routledge and Keagan Paul, 1981. – P. 4-8.

Carr 1967 – Carr E.H. What Is History? – L.: Penguin Books, 1967. – 159 p.

Соска 1994 – Соска J. A Controversy Within Social History and The Need for Context // Социальная история: проблема синтеза / Отв. ред. В.В. Согрин. – М.: ИВИ РАН, 1994. – С. 46-54.

Lepetit 1994 – Lepetit B. Macro-analysis, Micro-analysis and the Problem of Generalization in Social History // Социальная история: проблема синтеза / Отв. ред. В.В. Согрин. – М.: ИВИ РАН, 1994. – С. 63-72.

Phythian-Adams 1994 – Phythian-Adams Ch. Time, Society and Nation: Conceptualizing English Social History // Социальная история: проблема синтеза / Отв. ред. В.В. Согрин. – М.: ИВИ РАН, 1994. – С. 22-34.

Rüsen 1987 – Rüsen J. Historical Narration: Foundation, Types, Reason // History and Theory. – 1987. – Vol. 26. – No 4. – P. 87-97.

Rüsen 1996 – Rüsen J. Narrativity and Objectivity in Historical Studies [Online resource] // History and the Limits of Interpretation. A Symposium. Humanities Research Center. URL: http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences.cfm?doc_id=369 (date of access: 06.09.2015).

Smith 1996 – Smith A. The Origins of Nations // Becoming National. A Reader. / Edited by G. Eley and R.G. Suny. – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 106-130.

Stearns 1985 – Stearns P.N. Social History and History: a Progress Report // Journal of Social History. – 1985. – Vol. 19. – No 1. – P. 320-334.

REFERENCES

AIMERMAKHER K., BORDYUGOV G. «Svoe» i «chuzhoe» proshloe. Vvedenie [“One's own” and “Another's” Past. Introduction]. IN: *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh / Pod redaktsiei K. Aimermakhera, G. Bordyugova. Predislovie F. Bomsdorfa, Izd. 2-e, ispr. i dopoln.* [National Histories in the Soviet and Post-Soviet States / K. Aimermakher, G. Bordyugov eds. Foreword by F. Bomsdorf. Second edition, amended and complemented]. – М.: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XX, 2003. – 432 p. (In Russian)

BURKE P. People's History or Total History. IN: *People's History and Socialist Theory / Edited by Raphael Samuel.* – L.: Routledge and Keagan Paul, 1981. – P. 4-8. (In English)

CARR E.H. What Is History? – L.: Penguin Books, 1967. – 159 p. (In English)

СОСКА J. A Controversy Within Social History and The Need for Context. IN: *Sotsial'naya istoriya: problema sinteza / Otv. red. V.V. Sogrin* [Social History: The Issue of Synthesis. V.V. Sogrin ed.]. – М.: ИВИ РАН, 1994. – P. 46-54. (In English)

СОСКА J. *Sotsial'naya istoriya mezhdu strukturnoi i empiricheskoi istoriei* [Social History Between Structural and Empirical Histories]. IN: *THESIS.* – Spring 1993. – Vol. 1. – Issue 2. – P. 174-189. (In Russian)

DEGOEV V.V. *Sotsial'no-politicheskie vyzovy XXI veka i puti razvitiya rossiiskogo kavkazovedeniya* [Socio-Political Challenges of the 21 Century and the Paths Development of the Russian Caucasus Studies]. IN: *Kavkaz v rossiiskoi politike: istoriya i sovremennost'* [Caucasus in the Russian Politics: History and Modernity]. – М.: «Russkaya panorama», 2007. – P. 17-34. (In Russian)

GATAGOVA L. *Severnyi Kavkaz: metamorfozy istoricheskogo soznaniya* [North Caucasus: Metamorphoses of Historical Consciousness]. IN: *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh / Pod redaktsiei K. Aimermakhera, G. Bordyugova. Predislovie F. Bomsdorfa, Izd. 2-e, ispr. i dopoln.* [National Histories in the Soviet and Post-Soviet States / K. Aimermakher, G.

- Bordyugov eds. Foreword by F. Bomsdorf. Second edition, amended and complemented]. – M.: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XX, 2003. – 432 p. (In Russian)
- LANGLOIS Ch.-V., SEIGNOBOS Ch. *Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction to the Study of History]. – M.: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2004. – 305 p. (In Russian)
- LEPETIT B. Macro-analysis, Micro-analysis and the Problem of Generalization in Social History. IN: *Sotsial'naya istoriya: problema sinteza / Otv. red. V.V. Sogrin* [Social History: The Issue of Synthesis. V.V. Sogrin ed.]. – M.: IVI RAN, 1994. – P. 63-72. (In English)
- MININKOV N.A. *Metodologiya istorii* [Methodology of History]. – Rostov-on-Don: Izdatel'stvo SKNTs VSh, 2004. – 252 p. (In Russian)
- PATRUSHEV A.I. *Raskoldovannyi mir Maksa Vebera* [Un-spelled World of Max Weber]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1992. – 218 p. (In Russian)
- PHYTHIAN-ADAMS Ch. Time, Society and Nation: Conceptualizing English Social History. IN: *Sotsial'naya istoriya: problema sinteza / Otv. red. V.V. Sogrin* [Social History: The Issue of Synthesis. V.V. Sogrin ed.]. – M.: IVI RAN, 1994. – P. 22-34. (In English)
- REPINA L.P. «Novaya istoricheskaya nauka» i sotsial'naya istoriya [“New Historical Science” and Social History]. – M.: IVI RAN, 1998. – 278 p. (In Russian)
- REPINA L.P. *Sotsial'naya istoriya na poroge XXI veka: ot mezhdistsiplinarnogo analiza k novomu istoricheskomu sintezu* [Social History on the Eve of 21 Century: From Interdisciplinary Analysis to New Historical Synthesis]. IN: *Sotsial'naya istoriya: problema sinteza / Otv. red. V.V. Sogrin* [Social History: The Issue of Synthesis. V.V. Sogrin ed.]. – M.: IVI RAN, 1994. – P. 10-21.
- RÜSEN J. Historical Narration: Foundation, Types, Reason. IN: *History and Theory*. – 1987. – Vol. 26. – No 4. – P. 87-97. (In English)
- RÜSEN J. *Krizis, travma, identichnost'* [Crisis, Trauma, Identity]. IN: «Tsep' vremen»: *problemy istoricheskogo soznaniya / Otv. red. L.P. Repina* [“The Chain of Times”: Problems of Historical Consciousness. L.P. Repina ed.]. – M.: IVI RAN, 2005. – P. 38-62. (In Russian)
- RÜSEN J. Narrativity and Objectivity in Historical Studies [Online resource]. IN: *History and the Limits of Interpretation. A Symposium. Humanities Research Center*. URL: http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences.cfm?doc_id=369 (date of access: 06.09.2015). (In English)
- RÜSEN J. *Utrachivaya posledovatel'nost' istorii* [Loosing the Order of History]. IN: *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii. Vyp. 7* [Dialogue with Time. Intellectual History Review. 7]. – M.: Editorial URSS, 2001. – P. 8-26. (In Russian)
- SAVEL'EVA I.M., POLETAEV A.V. *Istoriya i vremya. V poiskakh utrachennogo* [History and Time. In Search of What Has Been Lost]. – M. Yazyki russkoi kul'tury, 1997. – 800 p. (In Russian)
- SAVEL'EVA I.M., POLETAEV A.V. *O pol'ze i vrede prezentizma v istoriografii* [On the Use and Misuse of Presentism in Historiography]. IN: «Tsep' vremen»: *problemy istoricheskogo soznaniya / Otv. red. L.P. Repina* [“The Chain of Times”: Problems of Historical Consciousness / L.P. Repina ed.]. – M.: IVI RAN, 2005. – P. 63-88. (In Russian)
- SHEUDZHEN E.A. *O «natsional'noi istoriografii», «natsional'nykh istorikakh», «svoei» istorii i «istoriopisaniyakh»* [On “National Historiography”, “National Historians”, “One’s Own” History and “Historical Writing”]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2012. – No 2. – P. 90-98. (In Russian)
- SHNIREL'MAN V.A. *V poiskakh prestizhnykh predkov: etnonatsionalizm i shkol'nye uchebniki* [In Search of Prestigious Ancestors: Ethno-Nationalism and School Textbooks]. IN: *Otvetstvennost' istorika: prepodavanie istorii v globaliziruyushchemsya obshchestve. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. M., 15-17 sentyabrya 1998* [Responsibility of the Historian. Teaching History in Globalizing Society. International Conference, Moscow, September 15-17, 1998]. – M.: IVI RAN, 2000. – P. 150-166. (In Russian)
- SMITH A. The Origins of Nations. IN: *Becoming National. A Reader*. Edited by G. Eley and R.G. Suny. – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 106-130. (In English)

STEARNS P.N. Social History and History: a Progress Report. IN: Journal of Social History. – 1985. – Vol. 19. – No 1. – P. 320-334. (In English)

TOSH Dzh. *Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [The Pursuit of History. Aims, Methods and New Directions in the Study of Modern History]. – M.: Ves' mir, 2000. – 296 p. (In Russian)

VINOGRADOV B.V., KLOCHKOV O.V., FEDORIN V.E. *Osnovnye tendentsii i napravleniya razvitiya «natsional'noi istoriografii» v kontekste issledovaniya problem rossiiskogorskogo vzaimodeistviya i analiza sovremennoi etnopoliticheskoi situatsii na Severnom Kavkaze* [The main tendencies and development directions of “national historiography” within the context of research of Russian-Caucasian interaction problems and analysis of modern ethno-political situation in the North Caucasus]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2012. – No 1. – P. 73-78. (In Russian)

VOLODIKHIN D.M. *«Prizrak tret'ei knigi»: metodologicheskii monizm i «global'naya arkhazatsiya»* [“The Ghost of the Third Book”: Methodological Monism and “Global Archaization”]. IN: *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii. Vyp. 9* [Dialogue with Time. Intellectual History Review. 9]. – M.: Editorial URSS, 2002. – P. 51-66. (In Russian)

ZVEREVA G.I. *Morfologiya sotsial'noi istorii* [Morphology of Social History] IN: *Sotsial'naya istoriya: problema sinteza / Otv. red. V.V. Sogrin* [Social History: The Issue of Synthesis. V.V. Sogrin ed.]. – M.: IVIRAN, 1994. – P. 35-45. (In Russian)